

Майк Гелперин

Дождаться своих

После каждого прыжка дистанция между «Синей птицей» и кораблями регуляров неуклонно сокращалась. На десятом часу преследования она уменьшилась до критической. Теперь дистанция лишь в полтора раза превышала дальность прямого залпа из бортовых орудий, и Старый Эдди понял, что уйти не удастся.

— Еще два прыжка, максимум три, — прохрипел он, — и нам, если не сдадимся, конец.

Пальцы старого пилота отплясывали марш по клавиатуре панели управления. Грубое, обросшее неровной щетиной лицо с перебитым носом и маленькими, упрятыми под старческие кустистые брови, злыми глазами побагровело. Скошенный назад и прорезанный морщинами широкий лоб заблестел от пота. Старый Эдди мотнул головой, сбрасывая со лба длинную прядь седых нечесаных волос, и рванул на себя рукоятку вмонтированного в панель массивного рычага. «Синяя птица» содрогнулась, завибрировали переборки. Через несколько мгновений маршевые двигатели набрали мощность, и на экипаж навалилась перегрузка — Старый Эдди бросил корабль в очередной маневр.

Сидящий в капитанском кресле Хват, вцепившись в подлокотники, не отрывал взгляда от экрана локатора. Очертания обоих преследователей на нем сместились к периферии и уменьшились в размерах.

Однако не прошло и получаса, как эти размеры вновь начали увеличиваться, и контуры преследователей медленно поползли обратно к центру экрана. Пилоты истребителей регулярного флота повторили маневр «Синей птицы» и теперь вновь заходили с тыла, неумолимо подтягиваясь на расстояние залпа.

Хват, шумно выдохнув, повернул голову к пилоту. Старый Эдди криво ухмыльнулся ему и откинулся в кресле. Руки пилота упали с панели управления на колени.

— Все, командир, — коротко хохотнув, сказал Эдди, — отлетались. Дальше играть в пятнашки нет смысла, нас один хрен запятнают. Часом раньше, часом позже, без разницы.

— А я-то думал, что с тобой мы выкрутимся, — медленно, нарочито спокойно произнес Хват. — С лучшим-то пилотом Галактики. Выходит, подвел ты всех нас, старик.

— Выходит, так, — безучастно сказал Эдди и скрестил руки на груди. — Шустрые мальчики, — кивнул он головой на экран. — Шустрых мальчиков стали готовить в Академии регулярного флота. Способных.

Хват смотрел на пилота в упор. Узкое, гладко выбритое и почти аскетическое лицо капитана как обычно ничего не выражало. Тяжелый взгляд черных колючих глаз казался теперь даже задумчивым. Старый Эдди замер в своем кресле, он летал с Хватом без малого десять лет и знал, что предвещает такой взгляд. Обычно так капитан смотрел на человека за минуту до того, как его убить, казалось, он раздумывает, как тот будет выглядеть, когда станет покойником.

— Д-давай, — запинаясь, сказал старик. — Лучше уж от т-твоей руки.

В кресле второго пилота шумно заворочался Полчерепа. Кресло с трудом вмещало его двухметровую тушу. Изрытое оспой круглое лицо с носом-кнопкой и оттопыренными ушами утратило выражение обычного простодушного уродства и стало свирепым, метровые плечи распрямились, и казалось, сейчас разорвут пристяжные ремни. Гигант повернул массивную лобастую башку влево и преданно уставился на Хвата. Левая половина черепа была у него тщательно выбрита, правую, снесенную в драке залихватским ударом тесака, заменила титановая пластина. За операцию Хват заплатил огромные деньги, фактически, он вытащил Полчерепа с того света, и тот был предан ему слепо, без рассуждений и раздумий, по-собачьи.

Хват вскинул руку в предупреждающем жесте, и Полчерепа застыл на месте, лицо сбросило выражение свирепости и вновь превратилось в туповатую уродливую маску.

— Прости, — хрипло сказал Хват Старому Эдди. — Ты правильно подумал, я на секунду потерял голову, я чуть было не поднял руку на брата. Ладно, прости, — повторил он. — В общем, так. Мы отрываемся, готовься к прыжку.

— Ты хочешь сказать... — Старый Эдди резко подался вперед и уставился на капитана.

— Я уже сказал. Давай действуй, черт нас всех побери. Уходим в спонтанный прыжок.

— Это верная смерть, Хват, ты это знаешь не хуже меня. Ни один из тех, кто ушел в спонтанный прыжок, не вернулся. Мы можем сдать-ся. Нам троем наверняка гнить в тюрьге до конца жизни, но вот доктор, — Эдди кивнул в сторону последнего члена экипажа, — он, ко-

нечно, огребет срок, но небольшой, и когда-нибудь выйдет.

— Хочешь сдать, Лекарь? — Хват повернулся к совсем еще молодому, ладно скроенному парню, занимавшему кресло в дальнем конце рубки. — Старик дело говорит: ты с нами недолго, можешь отделаться десятью — пятнадцатью годами. А там, глядишь, и выйдешь по амнистии. Ну, говори быстро, времени подтирать друг другу соплю у нас нет.

— Я, как все, — после короткой паузы глухо сказал Лекарь. Он опустил голову, и копна длинных смоляных волос упала на высокий лоб, скрывая выразительные карие глаза с длинными, почти девичьими, ресницами. — Как все, — повторил он.

— «Как все», — передразнил Хват. — Связался черт с младенцем, не хотел же я тебя брать, не место тебе среди таких, как мы. Делал бы тайком свои аборт. Ладно, чего уж тут. Ты готов, старик?

Эдди кивнул.

— Мне надо десять, от силы двенадцать минут. Подумай еще раз, Хват — ведь это верная смерть. Если не воткнемся во что-нибудь и не сдохнем от перегрузки, то очнемся где-нибудь у черта в заднице. Возврата в обитаемую часть галактики отсюда не будет, там все и загнемся, только погибать придется медленно. И, наверное, мучительно.

— Что ж, значит, помучаемся, — сказал Хват и вдруг расхохотался. Полчерепа, открыв от недоумения рот, уставился на него и вдруг захохотал сам или, скорее, захихикал с тонкими повизгиваниями и всхлипами.

— Помучаемся, — давясь, выговорил он. — Гы-гы-гы, точняк, ребята, помучаемся, такая мать на хрен. Эй ты, красавчик, ты тоже не прочь помучиться, а? Покривляться в руках у костлявой. И ты тоже небось не прочь, старая падаль, а? Нет, ну смешно, скажи, Хват, ведь смешно, правда, Хват?

Капитан внезапно резко оборвал смех, и в следующую секунду как по команде заткнулся Полчерепа.

— Давай, старина, — коротко бросил Хват.

Старый Эдди грохнул кулаками по панели, его пальцы вновь забегали по клавиатуре. И когда на мониторе появилась надпись «Введите координаты», Эдди вбил в панель клавишу с изображенной на ней горизонтальной восьмеркой. Монитор мигнул. «Подтвердите случайный выбор координат», — зажглась надпись на нем. Пилот выдохнул и повернул голову к капитану.

— Давай! — проревел Хват.

Эдди саданул кулаком по кнопке подтверждения и рванул рычаг на себя до отказа. Корабль вздрогнул, потом задрожал всем корпусом, и в следующий момент на команду обрушилась начальная перегрузка. «Синяя птица» рванулась в пространство, перегрузка начала стремительно нарастать, вдавливая тела экипажа в кресла, вбивая им обратно в глотки рвущиеся из них хрипы и стоны. Когда она достигла десятикратной, Эдди потерял сознание. За ним один за другим перестали воспринимать действительность остальные.

Хват пришел в себя первым. Несколько секунд ушло на попытки сфокусировать сознание. Когда это наконец удалось, первые радостные мысли о том, что он жив, немедленно сменились гораздо менее оптимистичными.

— Множественные повреждения корпуса, — бесстрастно вещал

механический голос, сопровождаемый вспышками аварийного освещения и прерываемый пронзительными раскатами зуммера общей тревоги. — Разгерметизация секторов два, три, четы... Состояние маршевых двигателей — аварийное. Состояние отражателя — аварийное. Состояние систем регенерации и очистки — ава... Уровень радиации во внутренних помещениях впятеро превышает нор... Экипажу рекомендуется срочно покинуть корабль. Повторяю: экипажу реко...

Усилием воли Хват подтянулся на подлокотниках, расстегнул ремни и, превозмогая боль, встал. Искусственная гравитация, по крайней мере, работала, и, с трудом сдерживая стон, Хват двинулся к Полчерепа. Струйка крови стекала у того изо рта на подбородок, но гигант явно был жив: он тяжело и натужно дышал, натягивая на вздохе пристяжные ремни бочкообразной грудью. Хват обернулся к пилоту. Эдди обмяк на ремнях, руки бессильно свисали вниз, голова безжизненно моталась на тощей стариковской шее. Позабыв о боли, Хват рванулся к нему, схватил за запястье и принялся нащупывать пульс.

«Только не Эдди, — лихорадочно думал он. — Кто угодно, только не Эдди. Со стариком у нас еще есть шанс, а без него все мы все равно что покойники».

— Где мы? — голос Лекаря сзади прозвучал жалобно и нелепо.

— У черта в жопе, — определил местонахождение команды Хват. В этот момент ему удалось нащупать у старика пульс, и он едва сдержал радостный вопль. — Вставай, — заорал он через плечо Лекарю. — Растолкай Пола, старик жив, и надо привести его в чувство. И вырубите уже долбаный матюгальник, будь он проклят.

Не прошло и часа, как столпившаяся за спиной у пилота команда выслушала приговор.

— Это другая галактика, — устало сказал Старый Эдди. — В лучшем случае — какой-то богом забытый рукав нашей, хотя особой разницы нет. Обрато нам не вернуться, парни. Даже если бы лоханка была в порядке, а она, считайте — просто начиненная железом болванка. Двигателям хана. Резервный вроде в относительном порядке, но на нем далеко не уедешь. Да и недалеко тоже. Ну, а самое радостное, что мы практически замурованы в рубке. Вылезти из нее можно только через аварийный выход, наружу, в свежий вакуум. А выйдешь вовнутрь — огребешь по самые бакенбарды рентгенов. Да и бессмысленно это — там все покорежено, сплюснуто, двери и шлюзы наверняка заклинены. До жратвы нам не добраться однозначно, до оружия тоже.

— Да кому оно теперь нужно, оружие, — истерически выкрикнул Лекарь. — Какое оружие к хренам? Друг с другом воевать, что ли, или застрелиться?

— Заткни его, Пол, — коротко бросил Хват, и Полчерепа без замаха ткнул парня кулаком в солнечное. Слабого по меркам гиганта удара хватило. Лекарь согнулся пополам и схватился за живот, судорожно пытаясь втянуть в себя воздух.

— Еще одна истерика — грохну, — хладнокровно сказал Хват. — Так что с оружием, Эд?

— Что сказал — про оружие можно забыть. А жаль.

— Давай, не тяни комету за хвост. Зачем нам в этой ситуации оружие?

— Да затем, что мы в системе какой-то заваливающей звезды, и нас потихоньку к ней сносит. А у звезд, как известно, бывают планеты.

— Ты что, нашел планеты, старик? — встрепенулся Хват.

— Целый десяток, но не спеши радоваться. Садиться нам придется наугад, и если окажется, что планета для человека непригодна, там мы и содохнем, причем очень быстро — выйти обратно из атмосферы на одном резервном ни за что не удастся. Да и сесть вполне может не удастся, маневренность у нас никакая. Можем просто грохнуть. А если и сядем, то никакой гарантии, что сумеем выйти наружу — там вполне может оказаться непригодная атмосфера.

— Так что ты предлагаешь? — встрял Полчерепа. — Заладил: грохнемся, содохнем, непригодная... Здесь-то мы точно скоро содохнем.

— И даже раньше, чем ты думаешь, — Старый Эдди ухмыльнулся и сплюнул на пол. — У нас пара часов, чтобы принять решение, не больше. В корыте утечка, а рубка хоть и герметична, но не идеально. Это, во-первых. А во-вторых, что-то мне подсказывает, что утечка может довольно скоро превратиться в нечто большее. Такое понятие, как критическая масса, вам, господа хорошие, ни о чем не говорит? Что-то слышали, да? Счастливики. В общем, так, парни, подходящих планет две, обе, как говорили в старину, земного типа. Ну что, монетку бросим или карту кинем на красное-черное?

— Ни то, ни другое, — жестко сказал Хват. — Попросту садимся на ту, что ближе.

— Легко сказать, — проворчал Эдди. — Да успокойте этого сопляка! — заорал он внезапно. — Достали его охи да стоны. Давайте занимайте свои места, джентльмены, спускаемся к черту в гости.

Почти десять часов Хват гнал команду прочь от корабля, позволив за все время лишь две короткие остановки, чтобы перевести дух. Редкий лес, посреди которого села «Синяя птица», сменился густым, а на исходе дня и вовсе превратился в труднопроходимую чащобу. Начинало смеркаться, и Хват, бросив взгляд на часы, крикнул «Стой». Через пару минут подтянулась команда. Полчерепа нес выбившегося из сил Эдди на закорках. Лекарь, хотя и передвигался самостоятельно, заметно хромал.

— Сейчас ахнет, — сказал Хват. — Отлеталась наша птица удачи.

О взрыве предупредил центральный компьютер, тот самый голос, который Хват велел отключить, пренебрежительно обозвав матюгальником. На посадке, однако, Старый Эдди задействовал все оставшиеся в строю системы, и садилась «Синяя птица» под механический речитатив, обещающий взрыв центрального реактора при достижении критической массы урановой смеси в нем. Компьютер, казалось, издевался над командой. Аккомпанируя себе раздирающим барабанные перепонки зуммером общей тревоги, он бесстрастно перечислял неисправности и поломки, не забывая рекомендовать экипажу немедленно обратиться и грозить отвратительными перспективами в случае слушания.

— Миль на тридцать отошли, — Лекарь опустил на землю и махнул рукой в сторону покинутого корабля. — Хорошо, ветер от нас, а то уже скоро помокли бы под радиоактивным дождиком. Как там старик, Пол?

— Очухивается. Старый чертяка еще нас всех переживет, — хохотнул Полчерепа и бережно положил Эдди на землю. — Чего делать будем, Хватик? — повернулся он к капитану.

— Так, — Хват вздохнул и огляделся по сторонам. — Надо разжечь

костер, а то ночью вполне могут появиться местные зверушки. Хотя бывают такие, что никакой костер не поможет. Ладно, Пол, займись хворостом, тут его навалом. Жрать нечего, но до завтра потерпим, а там что-нибудь сообразим. Ночью будем дежурить по очереди, и если кто заснет, пусть лучше перед сном помолится.

«Синяя птица» взорвалась, когда костер еще только начал разгораться. Хват снял с пояса фляжку и пустил по кругу.

— Мне не было еще двадцати, — задумчиво сказал он, — когда нам достался этот корабль. — В отблесках первых языков пламени узкое с резкими чертами лицо Хвата казалось особенно опасным и хищным. — Я только начинал тогда и летал с Ржавым Эриком.

Эдди приподнялся на локте и приложил палец к губам. Хват никогда не рассказывал о своем прошлом, и теперь, несмотря на то, что команду заботили вещи поважнее воспоминаний, все трое молча придвинулись и приготовились слушать.

— Тот еще парень был этот Ржавый, — продолжил Хват. — Для него завалить человека было легче, чем помочиться. И парней он не ценил, не берег людишек. Вот и кончил плохо.

— Слышь, Хват, говорят, что... — Полчерепа осторожно посмотрел на капитана. — В общем, это...

— Ну, — усмехнулся Хват, — договаривай. Что, опасаясь? Можешь не бояться, мы не в том положении, чтобы держать языки на привязи. Нам много чего предстоит друг другу сказать, парни, и не особо стесняться, если хотим выжить. Ладно, это я сделал Эрика, ты ведь это хотел спросить? Он к тому времени всех достал, и ребята давно примеривались, только духу никому не хватало. Вот я его и сделал. Ножом в спину, если это тебя интересует, исподтишка, под левую лопатку, он лишь раз дернулся и сразу отошел. А знаете, почему?

— Что почему? Почему в спину или почему именно ты? — подал голос Лекарь.

— И то, и другое.

— Ну, почему же?

— Я с детства знал, что люди бывают трех сортов. Бывают лохи и бывают крутые. А бывают между ними, так, не определившиеся — прослойка. Лохов большинство, это овцы, жертвы, их доят, стригут и режут. Они лишь думают, что решают что-то в своей жизни, но это только иллюзия, а на самом деле за них все уже решено крутыми. Но крутых очень мало, тех, за кого никто не решает, тех, кто решает сам за себя и за других. И для того, чтобы стать крутым, надо сделать две вещи — покинуть стадо лохов и пробиться через прослойку. И тогда, если ты справишься с этим, то наверняка окажешься один на один с другим крутым, тем, кто проделал те же самые вещи до тебя. И тут или ты его, и при этом все средства хороши. Или он тебя, а у него в заглазнике средств побольше твоего, тех самых поганых навыков и приемов, которые и сделали его крутым.

— Ты хочешь сказать... — еле слышно произнес Лекарь. Он ошеломленно глядел на Хвата. — Ты что же, хочешь сказать?..

— Я уже сказал. Надо быть крутым, понятно? И тогда ты будешь решать за своих лохов. Вот мы сейчас в глубокой заднице, мы потеряли крутость. И если не станем крутыми снова, то нам хана, мы все здесь подохнем. Но будьте уверены, я сделаю все для того, чтобы этого не случилось. Мы будем идти, пока не найдем лохов. И тогда снова станем крутыми. Всем понятно?

— Понятно, — насмешливо протянул Старый Эдди. — Только я ведь не дойду, Хват. И придется вам искать своих лохов без меня.

— Ты дойдешь. Пол понесет тебя, пока при силах.

— Да? Еще пара дней без жратвы, и нести надо будет самого Пола. Что тогда?

— Тогда и будем решать. А пока что, господа бывшие крутые, — выкладывайте, что у кого есть. Сейчас каждая булавка на счету и может решить, подыхать нам здесь или нет.

Итоги осмотра личного имущества оптимизма команде не прибавили. Старомодный револьвер Эдди оружием мог считаться лишь условно. У остальных огнестрельного вовсе не оказалось.

— Скальпель есть, — смущенно сказал Лекарь. — Ну, и слабительное в аптечке, вот и весь мой арсенал.

— Ничего, — подвел итоги Хват. — У нас пока что есть мы. Я не променял бы Пола и на сотню стрелялок. Все, парни, спать. Первым буду дежурить я. Эдди, ты следующий, я разбужу тебя через три часа. Хотя кто знает, сколько длится здесь ночь. Хорошо, воя не слышать, возможно, в лесу зверюшек не так много, как могло оказаться.

Будить Эдди Хвату не пришлось. Не прошло и получаса после начала ночного дежурства, как на горло ему упала веревочная петля. В следующий момент веревку рванули, петля затянута, и Хвата поволокло по земле.

— Подъем! — сумел выкрикнуть он, но исполнить команду никто не успел. Через пару минут всех четверых уже посадили на землю спинами к угасающему костру, с веревочными петлями на шеях и крепко связанными руками.

— Тебе не кажется, капитан, что наши лохи сами нас нашли? — язвительно спросил Старый Эдди.

Хват не ответил. Он заворожено смотрел на приближающихся к ним людей. Их было не меньше дюжины, и каждый держал в руке факел. Хват поймал себя на мысли, что ничего более нелепого в жизни не видел. Одеты люди были в звериные шкуры, вооружены дубинками и кольями, и в то же время на запястье первого Хват разглядел часы, у следующего на груди болтался бинокль, а третий вообще отошел в сторону и теперь деловито нацеливал на пленных громоздкую допотопную кинокамеру. Но самое удивительное было не в этом — каждый абориген носил на шее ожерелье, и в свете факелов камни на этих ожерельях отбрасывали пронзительные отблески, освещающие окрестности не хуже самих факелов.

— Бриллианты, — ошеломленно прошептал Полчерепа. — Клянись жизнью, это же брюлики, их ни с чем не спутаешь.

Абориген, шедший первым, поднял вверх руку. Остальные остановились, и он заговорил. После первых же слов Хват с удивлением понял, что понимает, о чем речь: одетый в шкуры абориген говорил на галакте.

— Сыны Каина, — сказал он, — можете не бояться, мы не причиним вам вреда, хотя признаюсь, у меня сильное искушение немедленно вас умертвить. Вас отведут в Джонсвилль, и там старейшины будут говорить с вами. Они и решат дальнейшую вашу судьбу.

— Вы принимаете нас за кого-то другого, — быстро заговорил Хват. — Я не знаю никакого Каина. И сыновей его не знаю тоже, я и мои друзья не имеют к этим сыновьям никакого отношения. Мы мир-

ные торговцы, попавшие в беду, наш корабль погиб, и у нас ничего не осталось. Мы не знаем ни названия вашей планеты, ни ее координат. И мы надеялись на ваше гостеприимство, ведь законы гостеприимства — общечеловеческие. А вместо этого ты грозишься нас убить. Разве...

— Довольно, — резко оборвал абориген. — Сыны Каина коварны, и я не знаю, правду ли ты говоришь. Вставайте, мы выступаем немедленно и к утру будем в Джонсвилле. Там выяснят, кто вы такие на самом деле.

Джонсвиллем оказался поселок, также нелепо сочетавший черты множества эпох от каменного века до современности, как и его обитатели. Дома в Джонсвилле сплошь были деревянными, приземистыми, одноэтажными, некоторые казались заброшенными. По узким, кривым улочкам между домами бродили куры и свиньи. Население высыпало встречать процессию, и Хват в очередной раз подивился виду аборигенов. Среди мужчин попадались и замотанные в шкуры, и одетые в подержанные тряпки: выдавшие виды пиджаки, камзолы и балахоны. Немыслимых расцветок брюки, панталоны, рейтузы, шаровары и шорты прикрывали ноги. Девушки и женщины щеголяли в платьях, еще более несуразных цветов и фасонов. А большинство детей не утруждали себя одеждой как таковой, лишь у некоторых низ живота прикрывала набедренная повязка. Однако все поголовно были обильно украшены камнями: алмазы носили на шеях, запястьях, щиколотках, на пальцах, в ушах и носках.

Всего по прикидкам Хвата Джонсвилль насчитывал около тысячи обитателей.

— Н-да, не хотел бы я жить в такой помойке, — пробормотал Лекарь.

— Скажи спасибо, если тебе позволят в ней жить, — осадил его Старый Эдди. — Подыхать в такой помойке — вот чего надо бояться. А вполне может стать, что...

— Да лучше уж сдохнуть, — пробрюзжал Лекарь. — Ну и вонища от этой развалюхи. Что там у них, скотный двор, что ли? Впрочем, тут каждый двор смахивает на скотный.

— Вот это да! — вырвалось у Хвата, и спорщики мгновенно затихли. Поселок кончился, сразу за ним влево вдаль до самого горизонта уходили поля. На них тут и там пятнами чернели остовы сельскохозяйственных машин. Вдали пасся скот. Но Хвата поразило не это. По правую сторону и также к горизонту уходила ровная бетонная площадка. И на ее краю высился, отливая черным тонированным блеском, огромный параллелепипед — вполне современное здание, конгломерат искусно сопряженных металлов, пластика, бетона и стекла.

— Что, сыны Каина, немного промахнулись мимо космодрома? — послышался язвительный голос сзади. Пленники разом обернулись, к ним приближалась процессия, даже издали казавшаяся внушительной. Возглавлял ее седой старик с сухим плоским лицом, одетый в пиджачную пару, правда, изрядно поношенную, и при галстукке. За ним следовал еще десяток стариков, неулыбчивых, суровых и одетых более или менее пристойно, по крайней мере, по сравнению с остальными аборигенами.

— Развяжите им руки, — велел плосколицый, подойдя ближе и взглядевшись с пленников. — Я вижу, что это не семья Каина, — доба-

вил он устало. — Это птицы из другого гнезда, и к нам залетели случайно. Кто вы, добрые люди? — спросил он, обращаясь к шагнувшему вперед Хвату.

— Мы торговцы, и сюда действительно попали случайно, — ответил Хват. — Меня зовут Ник, а это мои друзья: Пол, Ричард и Эдди.

— Я — Джоэл Джонс, мэр этого поселения, — представился старик. — За моей спиной совет старейшин, двенадцать человек вместе со мной. Позже они назовут свои имена. Но где же ваши товары, торговцы? Мы видели корабль, когда он пролетал над поселком. Он не похож на торговые корабли, хотя, признаюсь, мы видели только те, что принадлежали сыновьям Каина. И что с вашим кораблем, кстати?

— Корабль взорвался, — сказал Хват. — У нас было и торговое судно, — соврал он, — но его захватили пираты. Нас они атаквали, и Эдди, — Хват кивнул головой в сторону старого пилота, — ушел в спонтанный прыжок. И вот мы здесь.

— Эта планета называется Джонс, все ее население носит фамилию Джонс, и Джонсвилль — единственное поселение на ней, — так начал свою речь мэр Джоэл. — Наши предки высадились здесь восемьсот местных лет назад. Это была семья Эзры Джонса, которого мы почитаем за патриарха. Семья насчитывала около ста человек — детей и внуков его четырнадцати сыновей и дочерей. Первые поселенцы стерилизовали планету — здесь нет ядовитых растений, вредителей — насекомых и хищных зверей. Но окрестности Джонсвилла — единственное место на Джонсе, пригодное для жизни. С севера, откуда вы пришли, поселение подпирает лес, он тянется до самого океана и обрывается на его берегу. С юга, востока и запада — бесконечные пустыни. Там, в пустынях, первые поселенцы и нашли алмазы. Фактически Джонс — это безграничные и неисчерпаемые алмазные копи, уникальное место, камни попросту лежат на песке, не надо даже копать шурфы. До сих пор вам все понятно, господа?

— Кто такие сыны Каина? — подал голос Лекарь.

— Каином звали одного из сыновей Эзры. Точно, как в доисторической легенде, он оказался предателем. Правда, он не убивал своих братьев. Каин улетел на единственном космическом корабле, чтобы продать алмазы. Он должен был вернуться с купленными на вырученные деньги материалами, машинами и с флотилией кораблей. Каин увозил десятки тысяч алмазов — все, собранное поселенцами за двадцать лет пребывания на планете. Но вернулся он лишь с оружием и бандой негодяев на борту — его многочисленным потомством. Они потребовали новую партию алмазов, а расплатились за нее ничего не стоящим барахлом. Они угрожали оружием и убивали непокорных, своих двоюродных братьев и сестер. С тех пор так и повелось: сыновья Каина прилетают на Джонс раз в двадцать лет — со сменой очередного поколения. Они забирают алмазы, а взамен отдают негодные тряпки, дешевые безделушки и примитивные машины, постоянно ломающиеся и разваливающиеся на ходу.

— И что, к машинам нет запчастей? — прервал Джоэла Старый Эдди.

— Есть — части от старых машин, тех, что сыновья Каина привозили в прошлые визиты. Вон тот бетонный ангар сплошь забит негодной техникой.

— Так в чем же дело?

— Среди нас нет механиков, нет людей, разбирающихся в технике. Сыны Каина боятся, что мы окажем сопротивление или просто сможем обойтись без них. Поэтому они тщательно заботятся о том, чтобы население Джонса в них нуждалось. За восемьсот лет мы деградировали, среди нас почти нет грамотных, мало кто умеет читать, писать — вообще никто. Не говоря уже о ремесленниках — их тоже нет, умения потерялись и забылись с годами.

— Так чем же вы здесь занимаетесь? — угрюмо спросил Хват.

— Мы просто живем. Выживаем. Плодимся. Работаем на полях, пасем скот, разводим птицу. И ждем очередного прилета мерзавцев, которые нас ограбят.

— И когда он ожидается, этот прилет? — спросил Хват. Он почувствовал, как рядом напрягся Лекарь, прерывисто задышал Старый Эдди, сжал кулачищи Полчерепа.

— Вам не повезло, Ник, — насмешливо сказал Джоэл. — Может статься, не все из вас доживут до счастливого дня, когда смогут лицезреть сучьих детей. Они были здесь в прошлом году, так что ждать их надо лет через двадцать.

— Так что же делать, Хват? — уныло спросил Полчерепа. Он, казалось, уменьшился в размерах и стал похож на большого обиженного ребенка. Мы нашли лохов, ты ведь так говорил. Но что нам с ними теперь делать?

Хват поднялся с ветхой скрипучей табуретки и заходил по комнате. Их отвели в нежилой, с заколоченными окнами покосившийся дом, накормили и оставили одних.

— Ничего не делать, — сжав зубы, сказал Хват. — Жить. И ждать наших.

— Наших, — протянул Старый Эдди. — Я не дотяну. Да и вам будет столько, сколько мне сейчас, когда прилетят наши. И что — они захотят взять вас в долю? Как же, держите карманы пошире. — Эдди рассмеялся. — «Наши», — передразнил он Хвата, — нет, ну мы влипли, парни. Я с того света посмотрю, как обрадуются вам «наши».

— Заткнись, — коротко бросил Хват. — Джентльмены удачи всегда узнают друг друга. Узнают и нас, мы еще побарахтаемся. Пригоршня этих камешков, и мы сможем провести остаток своих дней где-нибудь на берегу моря, среди пальм, кораллов и молодых девок.

— Да, как же, нужны тебе будут девки, — вздохнул Эдди. — Ладно, ты босс, тебе виднее. Идти нам все равно некуда. Значит, придется приспособливаться.

— Приспособимся, — угрюмо сказал Хват. — Еще как приспособимся. И дождемся. Двадцать лет — значит, двадцать. Да и кто сказал, что целых двадцать? Возможно, наши появятся здесь и раньше.

Первые дни из дома почти не выходили. Местные приносили еду, несколько раз заходили старейшины, осторожно спрашивали о планах. Хват отмалчивался, ссылаясь на то, что надо осмотреться.

На десятый день Хват вышел из дома затемно и отправился к космодрому осмотреть ангар. Внезапно путь ему преградили шестеро. Хват узнал двоих из тех, кто встречал команду в лесу.

— Чего надо? — спросил он небрежно. Страх не было, хотя то, что сейчас произойдет, он знал наверняка.

— Нам ничего не надо, — сказал, отделившись от группы, высокий мускулистый парень. — Кроме одного — чтобы вы убрались отсюда.

да. Нам здесь не нужны чужаки, сами еле живы и кормить лишние рты не собираемся. Тебе понятно?

— Понятно, — сказал Хват и, крутанувшись на месте, ударил парня ногой в живот.

Полчерепа как раз размышлял над тем, что надо бы пойти посмотреть, куда делся капитан, когда дверь дома распахнулась, и внутрь вошла стройная смуглая девушка.

— Ты кто? — опешил Полчерепа. Девушка показалась ему очень красивой.

— Я Эмми, но это неважно. Там... — девушка махнула рукой в сторону, куда ушел Хват.

Полчерепа не надо было объяснять, что «там». Он выскочил из дома и гигантскими прыжками понесся по направлению к космодрому.

На следующий день у Лекаря появилось семеро пациентов. Ходячим из них оказался лишь один Хват, который заставлял себя передвигаться, несмотря на боль в переломанных ребрах.

Еще через несколько дней в доме Чарли Джонса случился пожар. Команда чужаков подоспела, когда дом уже всю горел. Люди подбегали, с размаху выплескивали в огонь воду из ведер, но видно было, что пожар уже не остановить.

— Люди, в доме остались люди! — внезапно услышал Хват. Памела Джонс, жена Чарли, заламывая руки, металась среди толпы. — Там моя мама, она не может ходить. Да сделайте же что-нибудь, умоляю!

В экстренных случаях Хват привык действовать мгновенно, он не принимал решений, решения сами приходили к нему. Хват с ходу упал на колени.

— Лей! — заорал он, и Старый Эдди, вырвав ведро с водой из рук ближайшего человека, с размаху опрокинул его на Хвата. Еще через секунду Хват вскочил и, вышибив с разбегу горящую входную дверь, ввалился вовнутрь.

— Лей! — взревел Полчерепа. Он упал на колени на то место, где только что стоял на коленях Хват. Одно за другим Эдди и Лекарь опрокинули на него три ведра воды, и Полчерепа исчез в дверях вслед за капитаном. Несколько мгновений спустя он появился опять, но лишь для того, чтобы сбросить на руки подбежавшему Лекарю заходящегося кашлем, полузадохнувшегося в дыму Хвата. Затем Полчерепа вновь нырнул в огонь и через минуту вывалился наружу, вытащив на плечах потерявшую сознание старуху. На этот раз тремя ведрами не обошлось — на гиганта лили воду, пока от заменяющей правую половину черепа титановой пластины не перестал валить пар.

С этого дня авторитет чужаков, после драки и так значительный, стал непререкаемым, а вскоре добрался едва не до заоблачных высот.

Хват познакомился с Салли, внучкой старейшины Сэмюэла Джонса, на празднике в честь новоприбывших. Девушка сидела по правую руку от него и то и дело как бы невзначай слегка касалась грудью предплечья. Празднество затеяли после того, как в дом мэра Джоэла, сыпья проклятиями и сквернословья, ввалился Старый Эдди и сунул опешившему мэру в руки провод с примотанной к его концу электрической лампочкой. До этого Эдди неделю не вылезал из ветхого сарая, где ржал не работающий последние двести лет общественный генератор. Назвав на прощание Джонсвилль отхожим местом, Эдди

пнул ногой входную дверь и убрался, оставив мэра стоять с открытым от изумления ртом. Закрыть его мэра и вовсе позабыл, потому что через минуту после исчезновения старого грубияна лампочка вдруг загорелась.

— Скажите, господин Ник, вы ведь побывали во многих местах, — спросила Салли и, покраснев, прыснула в кулак, — а как на других планетах ухаживают за девушками?

— Как ухаживают? — ошалело переспросил Хват, опыт которого по этой части ограничивался элитными борделями на Афродите и Эроде. — Ну, там, цветы дарят, цацки, то есть я хотел сказать — украшения. Стихи читают.

— А вы почитаете мне стихи?

— Стихи? М-м... Да вообще-то я, — Хвата спасло появления Полчерепа. Гигант сиял, рядом с ним, едва доставая ему до плеча, шла девушка, которую любой бы назвал не просто красивой, а настоящей красавицей.

— Это Эмми, — представил спутницу Полчерепа, и его грубое лицо вдруг расплылось в улыбке. — У Эмми появилась идея, Хва... я хотел сказать — Ник. Она считает, что нам в самую пору пожениться. И я прикинул хрен к носу, почему бы и нет? Ты как думаешь, Ник, а?

— Вот же болван, — в сердцах выдохнул Хват, — ну и бестолочь, неужто об этом надо спрашивать меня?

— А кого же мне спрашивать? — удивился Полчерепа. — Не Эдди же, пня старого.

— Господин Ник, — послышался голос Салли справа. — Вы не находите, что у Эмми потрясающая идея?

— Да, — промямлил Хват, — я, некоторым образом, нахожу. — Он вдруг осознал, что краснеет. — Гадом буду, то есть, я хотел сказать...

— А у меня еще лучшая, — прошептала ему на ухо Салли. — Я думаю, у нас с вами получатся прекрасные дети.

— Я, кажется, понял, как на Джонсе ухаживают за девушками, — оторопело сказал Хват. — Особенно за теми, которые лет на тридцать младше ухажеров.

Господин главный строитель Ник Джонс (на пятом году после свадьбы Хват решил взять фамилию жены) возвращался домой поздно вечером. Весь день он отбатрачил, разрываясь между строительством водопровода и общественного свинарника. При появлении отца шесть девочек хором встали из-за стола. Кроме младшей, трехмесячной Линды, которую Салли держала на руках.

— Ник, у Маргарет неприятности, — сказала Салли после того, как Хват, обойдя дочек и по очереди поцеловав каждую, уселся на свое место рядом с женой. — Этот задира и драчун Джек, он пристаёт к ней в школе, просто проходу не дает.

— Что значит не дает проходу? — Хват повернулся к старшей дочери, двенадцатилетней Маргарет. Та немедленно потупилась и опустила голову.

— Влюбился, — подсказала десятилетняя Вики. — Я слышала, как он хвастался Баду, старшему сыну дяди Ричарда, что женится на нашей Маргарет. Он, мол, уже говорил с отцом, тот не против.

— Это в каком смысле не против?! — грохнул кулаком по столу Хват. Верзила Джек в свои неполные тринадцать уже почти догнал ростом отца и помогал тому в кузнице после школы. Полчерепа души

не чаял в первенце, как, впрочем, и в остальных четырех сыновьях. У него, в отличие от Хвата, рождались только мальчики. — Он же еще щенок, — бушевал Хват, — какая, к чертям, свадьба! Ничего, я завтра поговорю с Полом, не против он, видите ли. Ну да, он всегда был туповат.

— Ник, мне было всего четырнадцать, когда мы поженились, — робко напомнила Салли.

— Мы — другое дело, — категорично отрезал Хват. — Надо же такое придумать. Маргарет ведь еще ребенок.

На следующее утро Хват поднялся затемно и отправился в кузницу. Полчерепа, впрочем, встал с петухами и уже раздувал горн. Трое подмастерьев ему помогали.

— Совсем задрал старый пень, — приветствовал гостя Полчерепа, пожимая ему руку. — Торчит целый день у себя в мастерской, то ему одно подавай, то другое. Трактор у него, видите ли, прохутился, можно подумать, в Джонсвилле это единственный трактор.

Старый Эдди действительно жил у себя в мастерской, огороженной части ангара на краю космодрома. Ходить он уже не мог и разъезжал в лично сконструированном кресле на колесах, браня учеников и следя за тем, чтобы те не отлынивали. Стараниями Эдди в поселении появились работающие трактора, комбайны и сенокосилки. А год назад, рыча, пыхтя и чихая, на улицы Джонсвилла выполз страшный урод, собранный из частей вышедших из строя древних машин — первый в поселении десятитонный гусеничный тягач на солнечных батареях. С его помощью Хвату удалось наконец достроить школу, исполняющую одновременно функции больницы и поликлиники. В части, отведенной для занятий, зверствовал и школил учеников господин учитель Ричард Джонс, бывший криминальный медик по кличке Лекарь. После занятий он же врачевал население, сопровождаемый стайкой студентов из закончивших школу и не боящихся крови бывших его же учеников. С появлением Лекаря детская смертность в Джонсвилле упала почти до нуля. Сократилась и смертность среди взрослых, в основном, за счет операций по удалению аппендицита, от воспаления которого до сих пор умирал едва ли не каждый третий. Лекарь женился на младшей сестре Салли год спустя после свадьбы Хвата. По количеству детей он давно обогнал свояка — миниатюрная задорная Дженни родила ему одного за другим десять отпрысков обоих полов и сейчас вновь ходила беременная.

— Ты вот что, Пол, — сказал главный строитель главному кузнецу. — До меня тут слухи дошли насчет твоего парня. Якобы он...

— А что? — удивился Полчерепа. — Мы с Эмми только за, да и твоя Салли тоже. Эмми с ней уже говорила, ты не знал, что ли? Джеку почти тринадцать, он будет в самом расцвете, когда прилетят наши. Он...

— Слушай, тебе не надоело? — прервал Хват.

— Что не надоело?

— Называть это дерьмо нашими.

Свадьбу Вики и Бада, старшего сына Лекаря, пришлось отложить. Накануне, не дождавшись всего один день, скончался мэр Джонсвилла Старый Эдди, годом раньше сменивший на этом посту решившего уйти на покой Джоэла.

На могиле новый мэр поселения Ричард Джонс произнес речь.

— Эд был надежным другом и верным товарищем, — говорил Лекарь. Слезы текли по щекам его благообразного лица, до сих пор сохранившего следы былой юношеской красоты.

— Он был добрым человеком, — сказал Джоэл Джонс. — Со времен первых поселенцев никто не сделал для людей больше, чем он.

Хват молчал. Он держал на руках годовалого Ника. Салли наконец родила ему сына после семерых дочерей. Рядом шумно дышал и шмыгал носом Полчерепа. Хват обернулся к гиганту и сразу же отвернул голову. Он мог поклясться, что видел в глазах Пола слезы.

— Эд был крутым, — хрипло сказал Хват. — Он всегда был крутым, может быть, самым крутым из нас.

Старый Николас Джонс, принявший на себя должность командира регулярной армии Джонсвилла и звание полковника, объявил военное положение за два года до предполагаемой даты прилета сыновей Каина. Теперь все время господин полковник проводил на учениях, беспощадно гоня солдат в многокилометровые кроссы и тренировочные сабельные атаки.

Начальник штаба регулярной армии майор Пол Джонс проявил приобретенный с годами скептицизм.

— Не получится у нас, Хват, — говорил господин майор господину полковнику. — С топорами да саблями на бластеры и иглометы. Погубим парней и сами здесь поляжем.

— Сабельная атака — крайний случай, — задумчиво пояснил старый полковник. — Не будет атаки, Пол. Все решится по-другому, мы или сумеем договориться с этими ублюдками и навязать им свои условия, или нет.

— А если нет? — Полчерепа смотрел на Хвата в упор. — Что будет, если не договоримся, Ник, и условий наших не примут?

— Тогда окажется, что они круче нас. А раз так, то они нас будут доить и резать, а не мы их. Но этому не бывать. Я много думал последние годы, Пол, и понял одну вещь. Чтобы стать крутым, не обязательно быть преступником и злодеем. Настоящая крутость не в этом. Да, надо быть жестким, не бояться крови и острых решений. Не дрожать за свою задницу и быть готовым сдохнуть в любой момент, но сдохнуть не за просто так.

— За что же тогда?

— За своих. За то, чтобы сюда прилетали наши с тобой дети, а не Каина. И везли с собой не старую рухлядь, а последние достижения цивилизации. Для других наших детей, которые будут здесь их ждать.

Пол Джонс кивнул. Он встал и, старчески кряхтя, расстелил на столе карту Джонсвилла и окрестностей. Штаб регулярной армии приступил к разработке операции по захвату заложников.

Об авторе

Писатель-фантаст Майк Гелприн родился в СССР. Живет в Нью-Йорке. Рассказы публиковались в жанровой периодике («Полдень XXI век», «Реальность фантастики» и др.).